

Переводная статья / Translation article
УДК 394/397

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ МАНЬЧЖУРИЯ И ТУНГУСЫ-ОЛЕНЕВОДЫ

© Этель Джоан Линдгрэн

Данная статья является впервые опубликованным переводом доклада британского антрополога Этель Джоан Линдгрэн (1905–1988) «Северо-Западная Маньчжурия и тунгусы-оленеководы», прочитанного на встрече Королевского Географического Общества в 1930 г. и опубликованного в журнале «American Anthropologist» в том же году как результат ее полевых исследований, проведенных во время первой экспедиции в 1929 г. в Северо-Западную Маньчжурию. Выводы и предположения, сделанные Этель Джоан Линдгрэн, несомненно, являются актуальными и требуют пристального изучения.

NORTH-WESTERN MANCHURIA AND THE REINDEER-TUNGUS

© Ethel John Lindgren

The given article is first published translation of the British anthropologist Ethel John Lindgren's scientific paper «North-Western Manchuria and the Reindeer-Tungus», read by her at the meeting of the Royal Geographical Society 1930 as a result of field researches in North-Western Manchuria and was published in 1930 as a result of field researches in North-Western Manchuria, carried out by E.J. Lidgren during her first expedition trip in 1929. The fact is that the drawn conclusions and assumptions of opportunity of inter-group relations without conflict are actual and demand attentive studying.

* Этноним «тунгусы» использовался для обозначения эвенков до начала XX в. (прим. переводчика).

Прежде чем описывать мою недавнюю поездку в Северо-Западную Маньчжурию в поисках малоизвестного племени тунгусов-оленеководов, я должна сделать обзор географических и исторических предпосылок, чтобы объяснить, почему этот регион так долго оставался без должного внимания. Китайско-Восточная железная дорога, проходящая через Хайлар и Маньчоули¹, должна была принести все необходимое для развития экономики к его порогу, несмотря на это, по моему мнению, этот район получает меньше внимания, чем более отдаленные провинции Западного Китая. Китайцы называют самую северную часть Маньчжурии Хэйлунцзян (Heilungkian), или Река Черного Дракона из-за темных вод Амура, значительно отличающихся от грязно-желтых вод их собственных рек. В действительности Амур и его большой приток Аргунь должны быть главными фигурами любых научных исследований этого края, формируя но-

вые, необычайно важные направления для исследований, связанных с политикой, торговлей и этнографией. Судходные для небольших пароходов до селения Олочинское на Аргуни эти реки пробудили к жизни целую сеть небольших торговых пунктов, усеявших их берега вдоль границы, спасая их от забвения, охватывающего внутренние районы. С восточной стороны хребта Большого Хингана берут начало притоки Амура, главным образом Нонни² и Кумара (Хумахэ), а на западной стороне – притоки Аргуни, самыми значительными из которых являются Быстрая, Маректа и Ган. Область, которой я ограничила свое внимание во время этой поездки, лежит между Аргунью на западе и севере, и Хинганским хребтом на востоке, на юге ее ограничивает Хайлар. Эта река считается монголами верховь-

¹ Станция Маньчжурия (прим. переводчика).

² Нонни маньчжурское название реки Нэньцзян (прим. переводчика).

ем Аргуни³, и часто так и изображается на некоторых картах.

Характеристика региона может быть примерно описана двумя типами местности: монгольские степи на юге и сибирская тайга на севере. Полоса леса подступает к берегу Аргуни, где река и линия Хинганского водораздельного хребта частично сходятся, окончательно вытесняя равнины. От долины Хайлара до Гана мы обнаруживаем сухую, покрытую травой, немного холмистую степь, которая является естественной средой обитания населяющих ее кочевников-скотоводов, таких как солонны и чипчины⁴. Треугольник, образованный бассейнами рек Ган, Дербул и Хаул, называется русскими Трехречье, и является самым богатым районом Северо-Западной Маньчжурии. Его обширные долины плодородны, холмы являются превосходными пастбищами для скота, а древесина находится в непосредственной близости на густо заросших лесом восточных склонах Хингана. Дальше к северу начинают надвигаться горы. Если мы проследуем правым берегом Аргуни, мы обнаружим холмистое предгорье достаточно скудное до самого Шивэя, которое позволяет реке течь широко и свободно, образуя множество островов, разделяясь на протоки и делая петли. Так, согласно А. Болотову, расстояние между двумя поселками Старый и Новый Цурухайтуй, расположенных в устье реки Ган, через 15 миль друг от друга, по руслу реки составит 40 миль (Болотов, 1925). Множество легенд о драматических происшествиях на границе, которые являются основной темой разговоров в придорожных гостиницах, вызвало мое любопытство, а также то, как определяется собственник островов, так как некоторые из них достаточно большие.

Ответ прост – остров принадлежит той стране, с чьей стороны предлежающий берег начинает подниматься выше уровня речной долины. Этот способ определения, даже если он существует только в сознании местных жителей (я не нашла

подтверждения этому, изучив старые русско-китайские договоры) предполагает широкий простор для разнообразных интерпретаций, и всего того, что они могут подразумевать. На практике, несомненно, кто сильнее, тот и прав, поэтому тот, кто захотел пасти свой скот на острове посередине реки, должен быть настороже.

За Шивэем видны заросшие лесом предгорья. В нескольких милях севернее Аргунского они резко обрываются в реку, и весь регион принимает характер сибирской тайги с ее типичными березами, лиственницами и соснами. Проселочная дорога уступает место случайным тропам, которые ведут от одной узкой болотистой лощины с глубоким и стремительным ручьем и крутыми подъемами к другой. Действительно, с этого момента пути сообщения по суше, можно сказать, становятся недоступными для всех, но все-таки существуют люди, идущие пешком, с тюком за спиной, или всадники, на каждом шагу рискующие сломать ноги своему коню, но таких немного. Правый берег Аргуни в целом более крутой, чем левый, и этот район остается слишком неразвитым, чтобы заставить китайские речные пароходы осуществлять рейсы далее Мохо на Амуре, в то время как русские занимаются регулярными перевозками пассажиров и грузов вверх до Олочинского, используя по низкой воде большие баржи на буксире. Это новшество появилось перед самой революцией, недавно в Усть-Уров была проведена хорошая проселочная дорога, все поселения вдоль границы связаны между собой телефонной связью. В то время как небольшие китайские торговые точки должны зависеть в течение лета от случайно проходящих джонков, которые движутся с черепашьей скоростью вверх по течению, проплывая расстояние между Чуерканхо две или более недели при неблагоприятном ветре, против двух дней на пароходе. Только зимой, когда становятся возможными поездки на санях по замерзшему Амуру, разбросанные отдаленные поселения находятся в пределах досягаемости друг от друга. Письмо, отправленное из Хайлара, будет идти в Чуерканхо от одного до шести месяцев, и это будет заслугой почтовой службы, если оно вообще дойдет. К северу от Чуерканхо условия существования становятся более сложными

³ Произносится монголами как «эргун», они считают, что название произошло от корня «эрги» (закручиваться, кружиться вокруг).

⁴ Монгольская этническая группа хучин – барга (прим. переводчика).

ми; берега Амура еще круче, поселки мельче и дальше расположенными друг от друга, так происходит до Покровки, где Шилка впадает в Амур, делая его шире.

Для того чтобы понять, как немногочисленное население, как местное, так и пришлое, стало таким, как сейчас, мы должны рассмотреть важные моменты истории установления границы. Китайские источники дают нам некоторое представление о потомках людей, господствующих в Северной Маньчжурии в разное время, которые были идентифицированы исследователями как представители монголов, тюрков и тунгусов. Название одного из племен – шивеи – осталось в настоящее время как название небольшого приграничного городка, и, возможно, присутствует в названии некоторых рек и гор, но такие идентификации имеют чисто гипотетический характер. Однако только с завоеванием маньчжурами Китая этот регион стал представлять интерес для империи, и 1644 г. ознаменовал не только приход к власти маньчжуров, но и, что любопытно, первое появление на Амуре русских казаков во главе с Поярковым, которые прошли через Яблоневый хребет из Якутска. Русские очень быстро распространили свое влияние по всему региону, основав в 1654 г. Нерчинск. Благодаря талантливым дипломатическим играм, даурский князь Гантимур, чьи владения простирались от Даурии в Забайкалье до долины реки Нонни, отказался от сюзеренитета Китая в пользу России, таким образом, он смог претендовать на расширение границ своих территорий до Хингана. Тем не менее, после того, как маньчжуры укрепили свою власть в Китае и стали достаточно сильными, чтобы отбросить русских назад, в 1689 г. был заключен Нерчинский договор, по которому русские вынуждены были согласиться на разрушение своей крепости Албазин на Амуре. Согласно договору, Россия никогда не пыталась восстановить права на Хэйлунцзян, а Китай не проявлял активный интерес к колонизации северных земель, в то время как русское Забайкалье стремительно разрасталось, граница часто существовала скорее в теории, чем на практике. В 1732 г. маньчжурский император приказал нескольким сотням солдат, состоящих из солонов, чипчинов и даур, живших на реке Нонни,

поселиться вместе с семьями в южной части Барги или Хулунбуира, образовав постоянный пограничный пост. Барга⁵ со столицей в Хайларе оставалась с тех времен особенной областью под юрисдикцией Цицихара, местными чиновниками здесь часто были монголы или дауры. Атаманы казачьих поселков легко находили с ними общий язык в решении вопросов, связанных с границей, даже не поощряя их мечты о создании автономного Монгольского Государства в будущем. В любом случае, вся северная, покрытая лесом часть района не привлекала никакого внимания китайской стороны, и там же русские в полной безопасности сажали пшеницу, косили сено и ставили скруды, охотились на оленей, белок и соболя. Лишь несколько предприимчивых китайских торговцев обосновались на правом берегу Аргуни напротив зажиточных казачьих поселков с небольшими запасами табака и алкоголя.

Такой была ситуация до китайской революции, за которой незамедлительно последовала декларация о независимости Внешней Монголии, к ней присоединилась и Барга. Когда китайцы восстановили в Барге свой контроль, они назначили своих чиновников в местную администрацию и разделили территорию на четыре района, самые северные из которых округ Чуэрхан с границей по реке Маректа, и округ Шивэй до реки Ган. Несколько курьезных случаев неизбежно должно было произойти, когда китайцы пришли с заявлением о своих исключительных правах собирать налоги на землю, которую казаки долгое время считали своей. Например, в Чуэрканхо представители каждой из сторон – вновь назначенные чиновники и ата-

⁵ Барга – административно-территориальное образование, включает в себя достаточно большой район западнее Хингана в Хэйлунцзяне, так же к ней относятся южные степи, ранее населенные монголами баргутами, обитающими сейчас в ее самой западной части. Они, как утверждает некоторыми русскими писателями, были названы монголами «баргут», что значит «темный», «необразованный», так как они не принимали ламаизм, оставаясь верными древним шаманским ритуалам, которые тайно существуют и в наши дни. Но Пеллио подчеркивал (в личной беседе), что это просто фонетическое сокращение от «баирху» – племени, упоминавшемся в летописях орохонов.

ман станицы Усть-Уров, расположенной на противоположном берегу Аргуни, настаивали на том, что противоположная сторона должна первой пересечь реку и представить свои полномочия. Китайцы полагали, что за ними окончательное право на признание их жалоб, связанных с военной хитростью русских, в результате которой были подожжены их хлебные поля, окружающие китайский отдаленный поселок. По версии русских, признание могло бы последовать только после соответствующего указания на этот счет от властей из Нерчинска, кроме того, упоминается о том, что атаману с большим трудом удалось удержать молодых и горячих казаков от кровопролития. Они не нашли ничего лучше, чем попросить прощения за уничтожение горстки китайских торговцев, оправдываясь тем, что были сохранены магазины со спиртом, но при этом ликвидированы неудобные долги. Так или иначе, с этого времени численность населения, проживающего на правом берегу, постепенно увеличивалась не только за счет иммигрантов, но и приезжающих китайцев, что имело большое значение для положения дел на границе и в настоящем, и в будущем. С самого начала китайские торговцы селились здесь с русскими женами, и сегодня подросшее поколение их детей составляет значительную часть сообщества. Небольшое количество китайских женщин, осмелившихся на длительный и тяжелый переезд со своими мужьями в эту часть страны, считают местный климат слишком суровым; многие умерли, некоторые вернулись в свои дома в Южной Маньчжурии или в Шантунг⁶. Таким образом, межрасовые браки с русскими будут заключаться и дальше. И если евразийцы (потомки смешанных браков) окажутся достаточно выносливыми, чтобы выживать в этих краях, прирост населения постепенно изменит образ жизни отдаленных поселений и приведет к развитию экономики. Представители местного китайского населения, кроме торговцев и гражданских чиновников в двух административных центрах, служат в маленьких гарнизонах на сторожевых пунктах, расположенных в крупных приграничных поселениях.

⁶ Старое название провинции Шаньдун (прим. переводчика).

Октябрьская революция принесла значительные изменения в состав современного пограничного населения. Многие эмигранты, большей частью казаки, перешли реку и поселились в пределах видимости своих прежних домов, они занимались сельским хозяйством на земле, близко знакомым им в течение многих поколений. Трехречье привлекало своей удаленностью от приграничных станций, где число русских составляло 35 % населения, против 90 %, проживающих в двадцати двух поселках района Трехречья (2 000 чел.). Так как это в основном русские, занимающиеся выращиванием зерновых или торговлей мехом с местными племенами, то они занимают центральное место в экономической жизни региона.

Между небольшими группами китайцев и русских, рассеянными вдоль берегов Аргуни и Амура, и коренным населением, занимающимся рыбалкой и охотой далеко в тайге, почти не существует контактов. Их не было бы совсем, если бы коренные жители не знали о существовании чая, хлеба, пшена, конфет, дешевых украшениях, табака и особенно спирта. Для того чтобы получить все это, они должны предложить взамен ценные меха. За исключением периодических встреч с торговцами, они не выходят из тайги и остаются невидимками; эти охотники – тунгусы, и каждый, кому удалось познакомиться с ними в Сибири или Маньчжурии, отмечает их застенчивость и недоверие к внешнему миру. Даже родственные племена избегают друг друга.

Не поднимая спорного вопроса, являются ли тунгусы расой с определенными физическими характеристиками и общим языком (Чаплицкая, 1917), мы просто отмечаем, что охотничьи племена Северной Маньчжурии известны в русской этнографической литературе как мангры или ороченны⁷, и принадлежат к группе северных тунгусов, а маньчжуры и гольды определяются как южные. Предположительно северные тунгусы первоначально пришли из Забайкалья или Маньчжурии и мигрировали на север под давлением монголов из

⁷ По официальной версии пишется и произносится *орочоны* или *орочены* (в том числе на картах), автор по этимологическим причинам считает правильным *орочены* (ред. автора).

Центральной Азии во времена Чингисхана. Большинство из них осталось в северной тундре, рассеянными по обширным пространствам. Когда и почему несколько племен вернулись в Маньчжурию, остается неясным. Манегры, населяющие оба берега Амура, на правом берегу обосновались в долине р. Кумара, где были обширные луга для выпаса лошадей. Видно, что манегры испытали сильное китайское влияние, тунгусы-оленоводы считают их захватчиками земли, на которой они живут в настоящее время. По мнению этнографов, манегры когда-то держали оленей, и мигрировали сюда с севера, их собственные традиции не дают четкого ответа на этот вопрос. Орочены, живущие рядом с хребтом Хингана от Китайской Восточной железной дороги до верховьев Гана, все еще вспоминают своих оленей, уничтоженных эпидемией одно поколение назад, название племени было дано маньчжурами и означало «владеющие оленями». Орочены также попали под влияние китайцев, смягченное монголами на западе, но ни они, ни манегры не изучались нами в достаточном объеме, чтобы можно было утверждать, насколько они отличаются друг от друга; хотя их сходство определено очень велико.

Существует третья группа тунгусов-охотников, обитающих на севере и северо-востоке Мергена⁸ на реке Нонни. Они могут оказаться такими же, как и упомянутые племена. Недавно их посетил В. Штётцнер, собравший по поручению Дрезденского государственного музея зоологии и этнографии большую этнографическую коллекцию. Он также сделал много фотографий, которые должны значительно расширить наше представление об этой материальной культуре. В предварительном отчете о своих изысканиях господин Штётцнер называет членов этого племени солонями, что может оказаться неверным определением (Штётцнер, 1928). Солоньи в Барге, которые считают себя определенной этнической группой, очень «монголизованные» тунгусское племя кочевников-скотоводов, живущих на богатых пастбищах, граничащих с лесами на востоке и западе Хайлара. Они были «переселены» из долины Нонни в Баргу в результате

⁸ Сегодня уезд городского округа Нэньцзян (прим. переводчика).

колониальной политики Маньчжурии, и объявили, что никто из них не покинет восток Хингана в наши дни, несмотря на то, что некоторые их соплеменники осели далеко на западе, в долине р. Или в Джунгарии⁹.

Из всех тунгусских охотничьих племен в Маньчжурии менее всего известно то, которое обитает в ее северо-западной части. Его численность составляет менее 250 чел., и племя, несомненно, вымирает. Это единственное племя, которое занимается оленеводством, и все типичные признаки культуры тунгусов, материальной и общественной, сконцентрированы здесь. Их миграции почти всегда ограничены долиной р. Быстрая на западе и Албази Хо¹⁰ на востоке Хингана. Манегры запретили им нарушать границы, как они считают, своей территории в долине Кумары угрожая сжечь ягель, и пугая, что их охотники выбьют запасы дичи. Это обособленное и вызывающее интерес племя, вероятно, близкородственно тунгусам-оленоводам, живущим на р. Олёмма, которые иногда рассматриваются в этнографической литературе как совершенно особенное племя. Имеющиеся источники на китайском языке не могут отнести «ши-лупу» («племя, держащее оленей») ни к одной из описанных нами групп, несмотря на то, что все из них формально могли держать оленей. Вероятней всего, речь идет о южных ороचनाх. Проблемы терминологии все еще вызывают большие трудности. Русские используют термин «орочен» для тунгусов-оленоводов, проживающих на Олёмме и в Маньчжурии, а также для хинганских племен, которые сейчас держат лошадей. Сами северные тунгусы, как представляется, называют себя «эвенки», так называли их маньчжуры. Классификация по роду занятий – племена, держащие оленей, лошадей, собак – была справедливо отвергнута как не имеющая этнографической ценности (Лауфер), в то же время разделение на северных и южных тунгу-

⁹ Река в Синцзян-Уйгурском Автономном районе Китая (прим. переводчика).

¹⁰ Албазиха, об этой ошибке и необходимости исправления писал Широкогоров в редакцию журнала в 1930 г. (прим. переводчика).

сов, которое применяли Шренк¹¹ и Широкогоров¹², сделано частично по лингвистическому, частично по географическому признакам. Классификации по другим признакам пока преждевременны, так как недостаточно материала, имеющегося в нашем распоряжении. Китайцы из Барги называют тунгусов «ч'и-лин» – это слово, вероятно, имеет иностранное происхождение, так как часто пишется разными иероглифами, пара из которых имеет правдоподобное значение «прячущиеся, обитающие в лесу».

Мы обнаружили ссылки на это название в докладе о местных племенах в Барге, написанном в 1910 г. прежним главой Хайлара (Кормазов, 1928), и одно из приведенных им в качестве примера слов написано двумя иероглифами со значением «единорог». Этот доклад содержит отчет о поездке, предпринятой официальной комиссией, чтобы выяснить, существует ли в действительности такое племя, и, если существует, то где. Местные власти Цицикара намеревались призвать в армию всех оронченгов, имеющих репутацию метких стрелков, и были обеспокоены слухами о том, что это полуполюгендарное племя торгует с русскими и считает себя подданными русского, а не китайского правительства. Прибыв в Усть-Уров, члены комиссии обратились за помощью к местным казакам и записали все, что им удалось узнать от них. Чиновники были настолько обескуражены описанием трудностей, которые ждали их при походе в тайгу в Усть-Урове, что отправились вниз по течению до Покровки, где в то время находилась достаточно крупная фактория. Там можно было встретить тунгусов – оленеводов, которые жили на противоположном берегу Аргуни. Когда маньчжурские олени были уничтожены чумой (около 30 лет назад), у сибирских племен было куплено новое стадо, но с тех пор все контакты между ними были прекращены из-за политических условий на границе.

В Покровке комиссия нашла одного русского торговца в качестве проводника и выдвинулась в

тайгу искать тунгусов. Китайцы нашли болотистый и непроходимый лес неприятным местом, но храбро пробирались по нему два или три дня, наконец, обнаружив два вигвама. Автор доклада подтверждает, что без помощи проводника, которому удалось вступить в контакт с одним из местных жителей, их путешествие было бы бесполезным, тунгусы и их олени просто исчезли бы в тайге, не оставив следов. Комиссия констатировала, что тунгусы – это отшельники, равнодушные к торжественным заверениям и предложениям, сделанным им от имени императора, и, наконец, просто глупые; они противоречили друг другу, называя число и имена своих старейшин, хотя это очень интересовало китайцев, желавших иметь хоть какое-то влияние на них. Доклад заканчивается пометкой, что тунгусы мало отличаются от собак и лошадей, и не имеют ничего общего с человеческой расой.

Мы подозреваем, что и русские, и тунгусы рассказали комиссии гораздо меньше, чем знали, но так или иначе, практический вывод о бесплодности надежд призвать в армию этих осторожных охотников был достаточно хорошо обоснован. Из работы Майнова мы узнали, что тунгусы, покинувшие Якутию и добравшиеся до Амура более ста лет назад, сделали это, чтобы не платить налоги русскому правительству, а также из-за того, что более агрессивные якуты постепенно вытесняли их с территории, которая раньше принадлежала только тунгусам (Майнов, 1898). Будучи по существу миролюбивыми людьми, желая иметь возможность беспрепятственно бродить по лесам, они предпочли уехать за сотни миль, чем вступить в более тесный контакт с соседями, не говоря уже о принуждении к конфликту или постоянной зависимости.

В настоящее время китайская районная администрация в Чуэрхань ограничивается сбором налога около 150 фунтов в год с десяти казачьих семей, торгующих с тунгусами-оленеводами в регионе. Русские встречаются с местными охотниками 2–3 раза зимой в определенное время и в определенном месте, принося муку, чай и спирт для обмена на мех, в основном беличий, так как соболь был истреблен 20 лет назад благодаря сказочно высоким ценам на него. В течение лета тунгусы вынуждены сами приходить за всем необходимым

¹¹ Леопольд фон (Леопольд Иванович) Шренк (1826–1894) исследователь р. Амур (прим. переводчика).

¹² Сергей Михайлович Широкогоров (1887–1939) – русский антрополог, исследователь тунгусо-маньчжурских культур, автор термина «этнос» (прим. переводчика).

в Чуерханью или к китайцам в Мохо. Как правило, они посещают факторию один раз в мае или июне, второй раз в августе.

Несмотря на то, что племя тунгусов, насколько я знаю, никогда не становилось объектом детального изучения, существует краткое упоминание о нем, сделанное госпожой Широкогоровой в отчете о поездке от Аргуни до Амуре, совершенной ею вместе с мужем в 1915 г. (Широкогорова, 1919). Участники экспедиции после неудачной попытки посетить орошенов на верховье Гана в конце концов поднялись по долине Маректы и пересекли Быструю, где неожиданно встретили несколько тунгусских семей. Пробыв у них 20 дней, путешественники пересекли водораздел Хингана по долине Кумары, где встретили манегров. К сожалению, С.М. Широкогоров, этнограф, опубликовавший уникальные материалы о манчужурах, не более чем ссылается на свои наблюдения среди тунгусов-оленоводов и манегров. Упомянутый доклад дает описание состояния дорог и троп, и некоторое количество топографической информации, но, учитывая безнадёжное несоответствие существующих карт, прискорбно, что он, по признанию автора, не должен сопровождаться перепроверенной картой. Если бы я обратила внимание на эти наброски о регионе прежде, чем предприняла свою последнюю поездку, я бы значительно сохранила время и избавила себя от многих проблем.

Поскольку это была неполная и, большей частью, неверная информация о Северной Барге, о средствах связи и местоположении тунгусов-оленоводов, я отправилась изучать это удаленное от цивилизации племя в июне прошлого года. Нас было трое, в сопровождении двух упрямых монгольских лошадок и двух русских лошадей, к которым позже добавилась третья. Норвежец Оскар Мамен был фотографом, а также, учитывая его двадцатилетнее пребывание в Монголии, он выполнял незавидную задачу по адаптации нашего скудного оборудования, предназначенного для работы в степи, к требованиям трехмесячного пребывания в болотистой тайге. Хасан был дауром и принадлежал к влиятельному местному клану. Он следил за лошадьми и помогал в лагере, его рекомендовала монгольская администрация в Хайларе.

Хасан говорил не только на даурском, монгольском и китайском языках, но и на языке солонов, так как его мать была из этого племени, так что, к счастью для нас он мог объясниться с тунгусами-оленоводами. Я не могу не отдать дань уважения Хасану, его отваге и верности, он полностью разделял наше стремление достичь цели, несмотря на трудности, часть из которых были непривычными даже для монгола. Благодаря двум моим товарищам, многие практические трудности, встречающиеся на нашем пути, были успешно преодолены.

Главная дорога из Хайлара в Шивэй ведет к горам Гана, к северу от которых тянется правый берег Аргуни; другая ответвляется за р. Мергел на Лабдари¹³ и, выходя за пределы Трехречья, пролегает по неровной, холмистой местности до самого Шивэя. Первый путь предпочтительнее летом из-за переправ в верховьях Гана и Дербула, второй – зимой, когда реки крепко замерзают, и даже автомобиль, принадлежащий самой большой фирме – скупщику меха, может ехать по льду, доезжая до Шивэя за один день, до Чуерканхо на следующий. На телеге или выючной лошади та же самая дорога может занять не менее двух недель. Дорогу от Хайлара до Гана через непрерывно тянущиеся холмистые степи облегчают лишь остановки через каждые 4 или 5 ч верховой езды в скупых на гостеприимство китайских придорожных гостиницах, построенных так, что колодец находится под кухней, и каждая капля драгоценной воды для людей или животных, может быть внесена в счет. Кусты ивы, растущей вдоль редких и скудных ручьев, служат материалом для изгородей и примитивных шалашей на полях случайных земледельцев, потому что многочисленный и неопрятный персонал гостиниц едва ли может содержать себя из-за отсутствия постояльцев.

Когда мы добрались до Гана, переправа работала уже с большой нагрузкой, и длинная очередь телег выстроилась в ожидании на обоих берегах; уровень реки поднимался и через два дня сделал ее непроходимой даже для лошадей, оставаясь таким до конца лета. На обратном пути в сентябре мы были вынуждены передвигаться по верхней

¹³ Сегодня городской поселок Лабудалинь (прим. переводчика).

дороге, чтобы перейти Дербул и Ген в более узком месте. Это дало мне возможность увидеть район Трехречья и несколько поселков, появившихся здесь в одночасье. В местах, где леса находятся на некотором отдалении, как в Драгоценке, бедные семьи построили необычные дома из ивняка, заполнив землей пространство между внутренними и внешними стенками, сплетенными из прутьев ивы. Другая любопытная особенность – пример влияния местных племен на эмигрантов, полное изменение привычного порядка вещей, которое нередко встречается среди русских поселенцев в Забайкалье. Работники, занятые на сенокосе, строят такие же, как у тунгусов конические вигвамы из жердей и березовой коры, только добавив слой сена. В одной из таких хижин я обнаружила выцарапанные на стене из коры карикатуры и эпиграммы, в которых молодые косари, вынужденные переждать длящийся несколько дней дождь, выразили свои чувства.

На нашем пути к северу вдоль Аргуни между Ганом и Шивэем рано утром в нашем лагере появился взволнованный китайский путешественник, который призывал нас немедленно поменять место стоянки, и даже отказался от чашки чая, на том основании, что мы установили наши палатки на месте, где было совершено убийство. Указав на маленькую глиняную хижину на полосе китайского берега, он заявил, что она принадлежала двум китайским торговцам, которые были неожиданно убиты «бандитами» с другой стороны реки во время вечерней прогулки по отвесному берегу, на котором стоял наш лагерь. Нас не очень беспокоила их печальная участь, поскольку они едва ли выбрали для жительства такое отдаленное место, если бы не занимались, по меньшей мере, контрабандой, и Хасан коротко заметил, что «молния не бьет дважды в одно место». Наш информант ушел, глубоко возмущенный таким отсутствием чувствительности.

Шивэй лежит напротив русского поселка Олочинское, который крупнее его в 2–3 раза и приобрел значение пункта обслуживания амурских речных пароходов. Аргунь в этом месте достаточно узкая, поэтому можно без труда услышать все сказанное на противоположном берегу, и это порой

становится причиной некоторых случающихся здесь пограничных инцидентов. Когда сельские жители с русской стороны выходят на берег поприветствовать прибывший пароход, что является событием недели, наблюдатели с китайской стороны с завистью слышат доносящиеся шутки и смех, пока провизия и товары грузятся на телеги. Кто-нибудь начинает напевать меланхоличную славянскую мелодию, которую подхватывают другие, сопрано, альты и басы почти интуитивно сливаются в одно целое, а вскоре прирожденные хористы наполняют долину пустынной пограничной реки странным минорным напевом. Шивэй сейчас наполовину опустел, здесь живут преимущественно китайцы, так как русские эмигранты, ютившиеся в примитивных полуземлянках в первые годы Октябрьской революции, и думающие вскоре вернуться в Россию, сейчас переехали в район Трехречья.

Аргунское представляет собой самый южный торговый поселок, куда обычно приходили тунгусы-оленеводы, так как он находится на краю леса, который они неохотно покидали даже на один день. Напротив Аргунского на китайской стороне находится Пилархо, где мы оставили на хранение телегу и большую часть нашей экипировки в одной казачьей семье, взяв с собой палатку и немного провизии, уместившиеся на двух лошадях, одна из которых была лошадью русского проводника, нанятого нами. Нас постоянно уверяли, что дожди сделали непроходимым север страны, всегда считающийся закрытым для летних путешествий, и все справедливо ждали нашего быстрого возвращения. Проводник, действительно, вернулся через неделю, так как ему не нравилось преодолевать бесконечные ручьи, вздувшиеся от дождя и превратившиеся в ревущие потоки. Мы сожалели только о его лошади, потому что оставшейся пришлось везти груз за двоих. Мы передвигались по берегу Аргуни до места, где она круто с горы впадала в другую реку. Мы вынуждены были вернуться и подняться в гору, однако на высоте в несколько сотен ярдов располагалась другая небольшая речная долина, и нам пришлось снова спуститься.

Дикая красота пейзажа возрастала пропорционально трудностям, встречающимся на нашем пути. С высоты птичьего полета мы видели бревен-

чатые дома разрозненных деревень на русской стороне, в некоторых деревнях были церкви. Низкий забор, непрерывно бегущий вдоль левого берега, был построен, очевидно, чтобы кони и коровы не переходили реку, но иногда, несмотря на эту предосторожность, животные отбиваются от стада, и тогда начинаются крики и ругань, эхом отдающиеся по реке, пока животных не вернут обеспокоенным хозяевам. Мелкие группы китайцев, поселившихся тут и там рядом с Аргунью, состоят большей частью из золотоискателей, которые трудятся в верховьях водных потоков региона. Говорят, что в некоторых из них, например, в Келари, выше Шивзя, есть немного золотого песка.

Единственной трудностью на нашем пути стала р. Быстрая, полностью заслуживающая свое русское название. Сила течения увлекает за собой длинную и узкую долбленую лодку, которая является единственным способом пересечь поток. Место высадки легко пропустить, рядом с ним на обоих берегах начинаются скалы. Испуганные лошади вскоре отказываются от борьбы за воздух, и держать их головы силой над водой достаточно долгое время является рискованной задачей. Такие лодки, называемые здесь батами, очень ненадежны, и китайцы, никогда не имевшие навыка маневрирования на них в отличие от русских, часто переворачиваются и даже тонут. Бат, сделанный из двух стволов деревьев, соединенных посередине, более безопасен и удобен, но реже встречается.

Мы попытались пересечь Быструю в трех милях от ее устья, где живут несколько китайцев, возделывающих небольшие расчищенные участки в лесу. Они жестоко страдают от комаров, которые окружают как дымка, стоит только покинуть берег Аргуни. Сельскохозяйственные работы, если возможно, выполняются под завесой густого дыма. Позднее, во время нашего пребывания в тайге, мы научились есть и писать дневные отчеты прямо над слабым огнем, засыпанным травой.

К несчастью, старейшина этой маленькой общины обиделся на нас, когда мы отказались купить лошадь за невероятно высокую цену, и запретил молодому евразийцу, владельцу единственной лодки, перевозить нас через Быструю в более удобном месте. Мы были вынуждены продолжить

путь к устью, где жил веселый одноглазый паромщик вместе с русским дурачком, бывшим у него на положении раба. Дважды предупредив нас, что мы поплывем с лошадьми на собственный страх и риск, он связал обе свои лодки, и мы благополучно переправились после того, как Хасан в целях предосторожности поджег благовония для бога воды, чтобы он сохранил жизни наших коней. Нам было жаль найти по возвращении только белого кота паромщика, одиноко охраняющего ветхую хижину, позже мы узнали, что паромщик был убит несколько дней назад из-за запасов муки.

Чуерканхо расположен напротив русского Усть-Урова, оба поселка получили свое название от рек, которые впадают в Аргунь рядом с ними. Несмотря на то, что около половины эмигрировавших в Китай не так давно переехали в Трехречье, оставшиеся здесь люди дают ясное представление о жизни казаков в Забайкалье: основательные бревенчатые дома, крыши с крутыми скатами, свидетельствующие о сильных снегопадах в этом регионе, впечатление комфорта и опрятности во внутренних помещениях более богатых домов. Вся семья работает не покладая рук на просторном дворе или в полях, бок о бок с прислугой и наемными работниками, занимаясь жатвой, уборкой сена или выпасом скота. В домашнем хозяйстве используется красивая посуда из березовой коры, которую сначала держат в кипятке. Искусство делать такую посуду казаки переняли у местных племен. Живя изолированно, община вынуждена производить все для себя сама. Здесь есть приспособление, чтобы делать деревянные полозья для саней, так как стальные используются очень редко. Устройство для измельчения лиственничной коры, необходимой для дубления кожи, состоит из колеса с железными резаками, которое приводит в действие лошадь, двигаясь по кругу у поворотного столба. Это своего рода мельница, две таких, виденные нами в Поерхо, были соединены с валом просто доской, одна из них была со стенами и крышей из бересты.

Если летом казаки, занимаясь тяжелым крестьянским трудом, используют свою смекалку во всех видах физической работы, то осенью и зимой они возвращаются к хорошей винтовке и отправ-

ляются на охоту. Трофеями завязанных охотников становятся лоси, косули, олени, кабаны, медведи, белки и иногда лисы. Летом казаки никогда не ходят в тайгу из-за бесконечных топей, опасных для лошадей, и комаров, бичом этих мест.

С большим трудом нам удалось убедить одного из них за большую и ежедневную оплату быть нашим проводником в лесу, тем более, что никто не знал, где можно найти тунгусов-оленоводов. Обычно они меняют свои стоянки с интервалом в несколько дней, а все встречи с русскими зимой происходят в оговоренное время в определенном месте.

Мы отправились в тайгу с двумя вьючными лошадьми, запас провизии был ограниченным, но мы были уверены, что сможем подстрелить дичь, или купить муку и мясо у тунгусов, если их найдем. По пути мы натолкнулись на следы пребывания русских охотников – это были и шалаши из нескольких жердей, покрытых корой, и крепкие маленькие избушки. В одной из них было окно из двух маленьких кусков стекла, вставленных в двойную раму из бересты, такое сочетание сохраняло обзор и тепло внутри дома. Высокий помост, на котором хранилась еда, недоступная для собак и диких животных, несомненно, был еще одним уроком, полученным у тунгусов. После трехдневного марша на восток мы вышли к верховьям Быстрой, примерно в 125 милях от ее устья. Эта река неправильно нанесена на всех картах, на них она имеет меньшую длину, чем Маректа, и расположена к северу. Однако местные охотники и коренные жители сходятся во мнении, что длина Быстрой составляет не менее 230 миль, и свое начало она берет далеко на юге, в нескольких милях от Гана.

Несмотря на то, что тунгусы ставят свои вигвамы рядом с небольшими ручьями, на Быструю они приходят, чтобы охотиться, так как прибрежные лагуны и заливы являются местом обитания уток, туда из леса выходят лоси. Здесь тунгусы оставляют осенью свои берестяные лодки, спрятав их в траве до следующей весны. Наш проводник знал, где искать такую лодку со всем инвентарем: веслом, двумя двухрядовыми шестами, которыми отталкиваются, поднимаясь вверх по мелководью, и еще парой маленьких весел, с помощью которых, по

его словам, тунгусы с ловкостью и без звука могли проскользнуть через низкий кустарник на краю озера и застать врасплох лося, пьющего в сумерках воду. Такие лодки – каноэ, как и все предметы тунгусской материальной культуры, хорошо сделаны: три больших куска бересты образуют дно, верхние края привязываются к ивовым планкам, также расположенным с некоторым интервалом вдоль дна лодки, и крепятся к бересте гибкими ивовыми прутьями.

Мы поднялись по долине Улугучи¹⁴, правостороннему притоку Быстрой, с надеждой обнаружить следы пребывания тунгусов вдоль одного из многочисленных ручьев, впадающих в нее с обеих сторон. Мы преодолели болотистую равнину и несколько миль непроходимых возвышенностей, и были поражены не только полным отсутствием признаков пребывания людей, не было даже следов дичи. Были обнаружены только разрытые корни и поцарапанные стволы, что указывало на присутствие кабанов или медведей. На восьмой день наши труды были вознаграждены. Нельзя утверждать, что мы «обнаружили» тунгусов, это невозможно сделать до тех пор, пока их любопытство, вызванное приближением незваных гостей, не победит страх. Нам повезло, что самый предприимчивый член племени, выслеживая медведя, заметил дым нашего костра, и, подобравшись ближе, крикнул, привлекая внимание, как это принято между тунгусами и русскими, торгующими с ними. Наш проводник ответил, и он, наконец, рискнул выйти к нашему лагерю. Несмотря на это, он сначала с опаской осмотрел нас, спрашивая русского, действительно ли мы «добрые люди», постепенно он убедился в нашей радушии, и после того, как мы поделились с ним мясом и водкой, он разрешил посетить его вигвам на следующий день. Вид оленей, пасущихся среди берез и елей, и теплый прием, оказанный нам тунгусом, полностью вознагра-

¹⁴ Эта река впадает в Быструю примерно в 160 милях от ее устья в точке, где последняя делает резкий поворот на запад, хотя в верховьях течет строго на юг. Улугуча, возможно, самый большой приток Быстрой, но река примерно такой же длины и местоположения на русских картах называется Ильдигича. Кроме того, это название небольшого правостороннего притока Апы или Чуерканхо.

градили нас за все тяготы пути, а Хасан был очарован «домашними оленями», в существование которых он откровенно не верил. Вскоре нам удалось поставить палатку рядом со стоянкой из четырех вигвамов, и это дало нам возможность наблюдать жизнь тунгусов.

На первый взгляд, готовая одежда из хлопка, которую они носят летом, и тот факт, что все взрослые говорят по-русски, разочаровали нас, казалось, они должны были потерять все то, что их отличало как тунгусов. Однако охотник, отправлявшийся на охоту с заплечным мешком, ружьем и «пальмой» – длинным ножом для срезания веток на пути, был настоящим тунгусом. Пальма и короткий охотничий нож имеют тонкий закаленный край, предмет справедливой гордости тунгусских кузнецов, русские и китайцы охотно покупают их по хорошей цене. Тунгусы по-прежнему носят обувь и зимнюю одежду из оленьей замши, сшитых по образцу северных тунгусских племен. Женщины выполняют почти всю работу по лагерю, присматривают за оленями, готовят еду, делают украшенные орнаментом короба и посуду из бересты и мешки из замши, которыми сами пользуются. На них также лежит утомительная работа по подготовке бересты, которой покрывают вигвам летом, широкие полосы коры сначала кипятят, потом сшивают, чередуя белые и коричневые. Зимой их заменяют на полосы из оленьей кожи. Хлеб пекут без дрожжей на железной плите, за восемьдесят или даже более лет близкого контакта с русскими тунгусы стали считать его неотъемлемой частью своего рациона, хотя их прапрадеды довольствовались только мясом и рыбой.

Днем олени обычно бродят вокруг стоянки, но при необходимости достаточно постучать друг о друга маленькими копытцами, привязанными к мешкам, где хранится соль для них, чтобы заставить их прибежать в лагерь. Оленей доят три раза в день, и молоко, хотя его немного, очень вкусное и жирное, как сливки. За ночь они могут уйти за 5 миль от стоянки в поисках еды, питаются ягелем, а также листьями молодых берез и осин, зелеными побегами. Когда нужно кочевать дальше, мужчины идут вперед, чтобы нарезать жердей для новых вигвамов и разжечь костры, они оставляют по пути

зарубки для женщин, оставшихся в лагере, чтобы собрать и погрузить вещи. Перегнать оленей в условиях большого стада является нелегкой задачей. Летом, когда оленей доводят до бешенства комары, тунгусы передвигаются только в сумерках, чтобы животные стояли спокойно и дали погрузить вещи, их привязывают по несколько штук рядом с кострами, в которых постоянно поддерживается огонь для отпугивания насекомых. Густой дым образуется от сваленных в костер охапок травы, разновидности *Ledum polustre*¹⁵, имеющей резкий неприятный запах. Все купленное у русских или китайцев тунгусы всегда держат какое-то время в таком дыме, очищая от злого влияния. Это растение обычно втирается в кровотокающие олени рога, когда поврежденную, изъеденную комарами часть рога соскабливают ножом.

Тунгусы собираются просто и быстро. Тюки обычно стоят в ряд за вигвамом, готовые к переезду в любой момент; в каждом из них находится подседельник из оленьей кожи, две емкости с мукой, седло и 1–2 короба. Сверху укладываются длинные полосы снятой с вигвама и аккуратно свернутой бересты, сам каркас из жердей остается. Детская колыбель, в которой ребенок находится в сидячем положении, очень удобна для матерей, так как ее можно повесить на оленя, уравновесив грузом с другой стороны, и закрыть покрывалом во время дождя. Надрывные крики, несущиеся из колыбели, остаются без ответа, если родители знают, что для ребенка нет никакой опасности. Говорят, что во время зимнего перехода тунгусская мать успокаивала русскую, которая считала такие методы воспитания варварскими: «не волнуйся, ребенок так сам себя согревает»!

Занятая изучением этого интересного, пусть осторожного и некоммуникабельного племени, я фотографировала его представителей, записывала язык, пыталась восстановить элементы более раннего общественного уклада, который был почти потерян, и хотела оставаться с ними как можно дольше, и оба моих спутника были со мной согласны. Один несчастный холостой молодой человек подружился с Хасаном, и умолял его узнать о воз-

¹⁵ Образец этого растения (вид багульника) был идентифицирован г. Гилбертом Картоном, Кембридж.

возможности найти ему монгольскую жену с юга из-за нехватки девушек в племени, единственная подходящая ему пара год назад выбрала более привлекательного соперника. Но удача была против нас, не только мы не могли отыскать дичь для себя, два опытных охотника племени неустанно кружили по округе в поисках добычи. От тунгусов мы узнали, что они не видели мяса около двух месяцев. Затянувшаяся мучная диета стала причиной смерти нескольких детей, начали болеть женщины, а мужчины стали вялыми и потеряли надежду. Видимо, почти беспрецедентное наводнение напугало дичь, которая, как считали тунгусы, должна была мигрировать на восток от Хингана.

Попытки поймать рыбу в ручьях, вышедших из берегов, в основном оказались безуспешными. У кого-то еще оставались запасы муки, другие уже начали голодать, не зная, смогут ли ее где-нибудь достать. Поездка в Чуерканхо была невозможной, пока Улугича не станет мелкой, чтобы перейти ее вброд, так как олени не могут плыть с грузом. Гостеприимные по своей природе, тунгусы щедро поделились с нами первой подстреленной за лето косулей, а наши запасы так уменьшились, что мы не смогли отказаться. Когда наша провизия подошла к концу, мы почувствовали, что продолжать пользоваться гостеприимством тунгусов, когда этикет заставляет их предлагать нам большие порции хлеба с чаем и оленьим молоком, становится почти преступным.

Еще не смирившись с мыслью, что придется покинуть племя, которое мы так долго искали, я решила попытаться купить достаточное количество муки, чтобы дойти до истока Быстрой, где, по рассказам, была еще одна стоянка тунгусов-оленоводов. Мы не смогли бы купить у них муки, вернувшись к Аргуни через долину Маректы или Гана. Но когда мы раскрыли наш план русскому проводнику, который был сыт по горло этнографией, комарами и быстро тающими запасами еды, он переполошился. Ему не удалось разубедить нас, тогда он запасся хлебом у одного из тунгусов, который сильно задолжал ему, но, страшась возвра-

щаться в одиночку через тайгу в Чуерканхо, запретил остальным продавать нам муку, угрожая отомстить в их следующий приезд в факторию, если они ослушаются.

Тунгусы отказались от всех наших предложений, было очевидно, что они чувствуют себя очень неловко из-за ситуации, в которую мы попали, но экономическая власть русских торговцев была абсолютной с тех пор, как тунгусы стали зависеть от них, покупая чай, табак, муку и спирт. Наши подозрения о вероломстве проводника подтвердил Хасан, которому удалось поговорить с тунгусами на своем языке, которого русский не знал, но это не могло помочь найти решение проблемы. На самом деле, мы были вынуждены воспользоваться его небольшим запасом хлеба, купленного им для обратной дороги, другой еды у нас не было. Попрошайки не выбирают; медлить дальше было невозможно, и через пять голодных переходов, подстрелив по пути только пару глухарей, мы, к счастью, наткнулись на кампанию казаков, косивших сено на лесной поляне. Они тепло приветствовали нас, говоря, что уже не ждали увидеть нас живыми. Они побросали свою работу, женщины кипятили воду для чая, все столпились вокруг нас, задавая вопросы и снисходительно улыбаясь, глядя, как мы жадно набросились на хлеб, сметану и соленые грибы, которые они щедро выложили перед нами.

Мы покинули тунгусов с большим сожалением, и они в свою очередь, казалось, были искренни в своем желании видеть нас вновь. Они очень беспокоились по поводу своих фотоснимков, и я надеюсь, что им удалось забрать их, когда они были в фактории. Я полагаю, что с собранным мной материалом будет возможно классифицировать это племя по отношению к другим тунгусским племенам, но, даже имея соответствующие данные, работа предстоит большая. Я смею надеяться, что следующая экспедиция в Северо-Западную Маньчжурию с лучшим оборудованием, с достаточным запасом еды и долей везения, несомненно, будет еще плодотворнее первой.

Перевод Синевой Юлии Олеговны

Источники

Болотов А.А. Амур и его бассейн: с приложением вводного очерка «Амур» проф. В.В. Лиманского. Харбин,

Sources

Bolotov A.A. Amur River and its basin: with the enclosure of the introductory essay "Amur" made by prof.

1925. 36 с.

Кормазов В.А. Барга: Экономический очерк. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1928, 281 с.

Лауфер Б. Олень и его одомашнивание // Мемуары Американского Антропологического Общества. Т. IV. № 2. 120 с.

Майнов И.И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края: труды Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества № 2. Иркутск: Типо-лит. П.И. Макушина, 1898. 245 с.

Чаплицкая М.А. На тунгусской тропе // *Scottish Geographical Magazine*, 1917, vol. XXXIII.

Широкогорова Е.Н. Северо-Западная Маньчжурия (географический очерк по данным маршрутных наблюдений). Владивосток: Типография Областной земской управы, 1919. 47 с.

Штецнер В. Путешествие к северо-востоку от Мергэня // *Известия Общества изучения Маньчжурского края* № 7, Харбин: Издательство Общества изучения Маньчжурского края, декабрь 1928. С. 20–23.

V.V. Limansky. Harbin, 1925. 36 p.

Kormazov V.A. Barga: An economic essay. Harbin: Printing house of the Chinese Eastern Railway, 1928, 281 p.

Laufer B. Deer and its domestication. *Memoirs of the American Anthropological Society*. Vol. IV. No. 2. 120 p.

Maynov I.I. Some data on the Tungus of the Yakutsk Territory: Works of the East Siberian Branch of the Russian Geographical Society. No. 2. Irkutsk: Typo-lit. P.I. Makushina, 1898. 245 p.

Chaplitskaya M.A. On the Tungus trail. *Scottish Geographical Magazine*, 1917, vol. XXXIII.

Shirokogorova E.N. North-West Manchuria (a geographical outline from the data of the route observations). Vladivostok: Typography of the Regional Zemstvo Board, 1919. 47 p.

Shtetsner V. Journey to the northeast of Mergen. *News of the Society for the Study of the Manchurian Territory*. No. 7, Harbin: Publishing House of the Society for the Study of the Manchurian Territory, December 1928. P. 20–23.